

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРАМЫ В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Часть 1

Панорама Петербурга

Каким представал Петербург перед взорами путешественников, прибывавших в Северную Пальмиру? В 1736 году в Санкт-Петербург водным путем из Кронштадта прибыл Педер фон Хавен. «Петербург я не увидел до тех пор, пока уже не оказался в нем. Ибо хотя местность вокруг него ровная и город открыт, но край такой лесистый, что леса подобны плотной стене. Наконец по реке поворачиваешь на юг, направо, и тогда взору вдруг открывается чудесный вид красивейшего города, — пишет датский автор. — По обеим сторонам реки стоят прекраснейшие каменные здания, все одного типа, четырехэтажные и окрашенные в желтый и белый цвет. Не менее получаса плывешь с хорошим ветром вверх по реке Неве и постоянно на обоих берегах видишь такие дворцы, пока наконец не подплывешь к корабельному мосту, ведущему с Дворцовой стороны¹ на Васильевский остров»² (плашкоутный мост через Большую Неву. — *Авт.*).

Франческо Альгаротти, так подробно описавший морской путь до Кронштадта, 30 июня 1739 года отправился отсюда в Санкт-Петербург. «О чем же мне написать прежде остального, как не об этом городе, об этом огромном окне, — так бы я сказал, — недавно распахнувшемся на Севере, через которое Россия может взирать на Европу?»³ — вопрошает венецианский гость. — Корабль нам пришлось оставить в Кронштадте, у него осадка примерно в одиннадцать футов; будь там глубины чуть побольше, мы могли бы подняться до Петергофа. После этого мы прошли вверх по Неве в добротной и разукрашенной лодке, предоставленной нам адмиралом.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Топоним «Дворцовая сторона» не встречается в других современных эпохе сочинениях, нет его и на планах города XVIII века.

² Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 309.

³ Кстати, именно Франческо Альгаротти впервые назвал Петербург «огромным окном на Севере, через которое Россия может смотреть в Европу» — выражение, позже подхваченное Пушкиным и ставшее крылатым.

<...> Мы гребли уже несколько часов, не видя вокруг ничего, кроме воды и этого безмолвного и неприветливого леса, но вот за поворотом реки перед нами, словно в опере, во мгновение ока открывается панорама столичного города. Роскошные здания высятся на обоих берегах реки, и не отдельные здания, а целые группы; башни с позолоченными шпилями, что пирамидами выглядывают там и сям; корабли, которые своими мачтами и развевающимися вымпелами контрастируют с домами и помогают различать их на фоне общей картины. Вот это — Адмиралтейство, говорят нам, а это — Арсенал; вон там — крепость, а там подальше — Академия; с этой стороны — Зимний дворец царицы <...> Не иначе как великолепно можно счесть положение города, заложенного на берегах большой реки и на многочисленных островах, — ведь это создает множество точек обзора и перспективных эффектов.

Тут господствует какой-то архитектурный стиль, средний между итальянским, французским и голландским, но с преобладанием голландского, и это вовсе не удивительно. В Голландии царь (Петр I), в некотором роде, получил первое свое образование, и в Саардаме этот новоявленный Прометей овладел тем огнем, которым он затем одушевил свою нацию. В самом деле, представляется, что, единственно воздавая должное Голландии, он предпочел строить, как строят в этой стране, сажать вдоль улиц деревья и полосовать город каналами, которые, конечно же, не имеют здесь той роли, которую они выполняют в Амстердаме или Утрехте»⁴.

15 августа 1768 года Уильям Ричардсон, отправившийся из Кронштадта в Санкт-Петербург, записал в своем дневнике: «Местность вокруг Петербурга очень лесистая, и когда приближаешься к городу, колокольни и шпили, покрытые жесью и медью и некоторые из которых позолочены, кажутся вырастающими прямо из леса»⁵.

25 июля 1795 года в Санкт-Петербург по Петергофской дороге приехала французская художница Мари Элизабет Луиза Виж-Лебрен. Первое впечатление ее было очень благоприятное. «По дороге уже, — говорит она, — можно было составить себе выгодное понятие и о самом городе, потому что по обеим ее сторонам тянулись ряды прелестных дач, окруженных самыми затейливыми садами в английском вкусе. Чтобы разбить эти сады, владельцы дач воспользовались землею весьма болотистою, осушили ее, прорыв каналы, и перекинули чрез них мостики, а также украсили сады беседками.

Как я ни старалась вообразить себе величие Петербурга, я была совершенно очарована его зданиями, красивыми палатами, широкими улицами, из которых одна, называемая проспектом, тянется на протяжении целого лье. Красавица Нева, светлая, прозрачная, протекает через город и вся покрыта различными судами, которые беспрерывно приходят и уходят, и тем удивительно оживляют этот красивый город. Набережная Невы — гранитная, равно как и многих больших каналов, которые прорыты Екатериною II внутри города. По одну сторону реки находятся прекрасные здания академии художеств, академии наук и многие другие, которые отражаются в Неве. Мне сказывали, что нет ничего прелестнее зрелища этих построек при лунном освещении — все они кажутся как бы древними храмами. Действительно, по величественности своих зданий и национальному наряду своего народа, который напоминает древность, Петербург переносил меня во времена Агамемнона»⁶.

Вот одна из записей, принадлежащая ирландке Кэтрин Вильмот, посетившей Россию по приглашению княгини Е. Р. Дашковой⁷, первого президента Российской ака-

⁴ Альгаротти Франческо. Из книги «Путешествие в Россию» // Звезда, 2003, № 5. С. 82—83.

⁵ Цит. по: Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Незданные письма 1770-х годов. СПб., 2013. С. 18.

⁶ Госпожа Виж-Лебрен в России (1795—1801) // Древняя и новая Россия, 1876, № 10. С. 189.

⁷ В 1779—1780 годах княгиня Е. Р. Дашкова побывала в Ирландии и там познакомилась с семейством Вильмот. Летом 1803 года в Петербург приехала Марта Вильмот, а в 1805 году — ее сестра Кэ-

демии: «Никогда не забуду, — пишет Кэтрин, — как хорош и великолепен мне показался Петербург в день нашего приезда». Будучи жительницей небольшого ирландского городка, Кэтрин невольно сравнивает его с Петербургом: «Корк просто ничто перед ним; а река (Нева. — *Авт.*) в пять раз шире, чем Ли»⁸.

В 1826 году в Санкт-Петербург прибыло французское посольство по случаю коронации императора Николая I. В посольской свите находился Франсуа Ансело, оставивший свои записки под названием «Шесть месяцев в России». Со слов местных жителей он записал предание о том, как Петр I якобы совершил довольно необычное путешествие из Кронштадта в Санкт-Петербург. «В 1703 году, узнав о прибытии первого голландского судна в Кронштадт, царь спустил на воду шлюпку и помчался ему навстречу, — пишет французский литератор. — Сам он переоделся матросом и приказал свите последовать его примеру. Он проводил корабль от Кронштадта до Петербурга и довел его до порта, где их встретил губернатор города князь Меншиков. Можно представить себе изумление голландского капитана и матросов, приглашенных к столу князя, когда они обнаружили, что умелый лоцман — сам император! Осыпав их подарками, Петр освободил корабль от всех таможенных пошлин и, невзирая на суровую осеннюю погоду, проводил обратно до Кронштадта. С такими же почестями приветствовал он и английский корабль, чьи флаги показались у берегов Невы на следующее лето. Так Петр I готовил будущее города, куда сегодня тысячи кораблей несут дань со всех концов света»⁹.

В описании панорамы Санкт-Петербурга более других отличился Астольф Кюстин, прибывший в Россию в 1839 году. Вот его первые впечатления о городе на Неве: «*Петербург, 11 июля 1839 года, вечер.* Хочу рассказать о виде на Петербург со стороны Невы. Вид этот славится во всем мире, и русские по праву им гордятся; впрочем, мне показалось, что восторги зрителей в данном случае слегка преувеличены. Несколько колоколен, предстающих взору издали, вызывают не столько восхищение, сколько удивление. Узкая полоска земли на горизонте кое-где утолщается — вот и все, а между тем эти еле заметные неровности почвы суть грандиозные памятники новой российской столицы.

Подплыв поближе, вы начинаете различать колокольни православных храмов, позолоченные купола монастырей и творения менее давнего времени: фронтон Биржи, белые колоннады школ, музеев, казарм и дворцов, стоящих вдоль гранитной набережной; уже в самом городе вы проплываете мимо сфинксов, высеченных также из гранита; размеры их колоссальны, облик величествен.

<...> Очень скоро взор ваш поражают многочисленные и разнообразные шпили, башни, иглы; тут, по крайней мере, вы знакомитесь с национальной архитектурой. Вокруг Петербурга расположено множество просторных построек, увенчанных колокольнями, — это монастыри, священные поселения, опоясывающие поселение мирское. Русские церкви сохранили свой самобытный облик. Не русские изобрели тот тяжеловесный и прихотливый стиль, что именуется византийским. Но религию свою русские получили от греков; с Византией их связывают национальный характер, верования, образование, история, поэтому заимствовать что-либо у Византии для них совершенно естественно»¹⁰.

рин; 4 августа 1805 года судно, на котором прибыла ирландская путешественница, бросило якорь в кронштадтской бухте (см.: Дашкова Е. Р. Записки; Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 284).

⁸ Письма из России в Ирландию 1805, 1806 и 1807 годов. Переписка девицы Вильмот с ее сестрой и друзьями во время ее полугодового пребывания в России // Русский архив, 1873. Кн. 2. С. 1837.

⁹ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 63.

¹⁰ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 119–120.

Осмотревшись в российской столице, Астольф Кюстин возвращается к прежней теме, подмечая все новые черты местного быта. «Кочевнический дух дает о себе знать и в русских повозках, каретах, упряжи, сбруе. Вообразите себе целые рои, тучи дрожек, что катятся, едва не задевая днищем мостовую, среди весьма приземистых домов, над которыми, однако, высятся шпили множества церквей и нескольких знаменитых исторических зданий; все это в целом если не красиво, то, во всяком случае, удивительно, — восхищается французский путешественник. — Позолоченные или крашенные иглы ломают уныло-ровные линии городских крыш; острия их, пронзающие небо, столь тонки, что глаз с большим трудом различает точку, в которой позолота гаснет в тумане полярного поднебесья.

Самые примечательные — шпиль крепости, корня и колыбели Петербурга, и шпиль Адмиралтейства, одетый в золото голландских дукатов, что были подарены царю Петру республикой Соединенных Провинций. По высоте и дерзновенности эти монументальные плюмажи, копирующие, говорят, те азиатские уборы, какие украшают здания в Москве, представляются мне поистине необычайными. Невозможно понять, ни каким образом держатся они в воздухе, ни как их там установили; это истинно русское украшение. Представьте же несметное число соборов о четырех колоколенках, заимствованных у византийцев. Вообразите множество куполов — посеребренных, золоченых, лазурных, звездчатых, и крыши дворцов, покрытые изумрудной или ультрамариновой краской; площади, украшенные бронзовыми статуями в честь главных исторических деятелей и императоров России; поместите картину эту в раму громадной реки, что в ясные дни служит зеркалом для всех предметов, а в бурные — выгодным контрастом для них; прибавьте к этому понтонный Троицкий мост, переброшенный через Неву в самом широком ее месте, между Марсовым полем, в просторах которого теряется статуя Суворова, и крепостью, где в скромных могилах без всяких украшений покоятся Петр Великий с семейством; припомните, наконец, что гладь неизменно полноводной Невы лежит вровень с землей и обтекает остров посередине города, — остров, обрамленный со всех сторон зданиями с греческими колоннами и гранитным фундаментом, что возведены по образцу языческих храмов; и если вам удастся охватить взором весь ансамбль Петербурга, вы поймете, почему город этот бесконечно живописен, несмотря на свою заемную, дурного вкуса архитектуру, несмотря на болотистый оттенок подступающих к нему полей, несмотря на совершенно плоский, не знающий холмов ландшафт и бледность ясных летних дней в тусклом климате севера»¹¹.

К началу XIX века в Петербурге было уже много церквей и соборов; во второй половине того же столетия их стало еще больше. В октябре 1858 года в Петербург прибыл Теофиль Готье, объездивший до того Европу и Ближний Восток. Но и на такого бывалого путешественника Петербург произвел неизгладимое впечатление. Стоя на палубе парохода, входившего в устье Невы, Теофиль Готье любовался панорамой города, разворачивавшейся перед его взором: «Медленно вставал прекрасный силуэт Санкт-Петербурга, — отмечал он в своем дневнике. — Золото куполов и шпилей сияло на самой богатой, самой изумительной диадеме, которую когда-либо мог нести город на своем челе. Вот и похожий на тиару Исаакиевский собор меж четырех колоколен вознес свой золотой купол, на Адмиралтействе взметнулась сияющая стрела, церковь Михаила Архангела по-московски округлила свои купола, и Сторожевая церковь заострила пирамидальные, украшенные линиями, полосами ребристые верхушки, а далее засверкало металлическими отблесками множество колоколен»¹².

Сойдя на берег и начиная знакомство с городом, Т. Готье продолжает описание петербургской панорамы: «Налево берег не так богато разнообразит горизонт золотыми

¹¹ Там же. С. 233—234.

¹² Готье Теофиль. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 26—27.

украшениями. Здесь меньше церквей, и они видны только в глубине Васильевского острова, — так называется этот район города»¹³.

Иная панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей открывалась с Дудергофских высот. Вот что писала об этом финская петербургская газета «Суннунтайлехти» в 1871 году: «Вообще-то знаменитая Ингерманландия — страна плоская, но здесь есть три высоких горы, Пулковская, или Пуллкала, на которой находится известная и в Финляндии обсерватория, гора Эйямяки, которую украшает густой лес, и гора Туутери, Дудергофская, на ней стоит красивая каменная дудергофская церковь. С разрешения сторожа поднимемся на левую башню церкви, у церкви две башни. Вид отсюда открывается обширный. Впереди перед вами Питер как на ладони, потом Финский залив, а за ним и финский берег. Летом вид еще красивее, когда видны корабли, плывущие между Петербургом и Кронштадтом. А вот там, по левой руке, виден лес мачт в Кронштадте. От Кронштадта сюда поближе, на этом берегу Финского залива лежит Петергоф, или, как его называют здешние финны, Куусоя. От него по правую руку видна Стрельна, или, по-фински, Нуолийоки, про которую говорят, что там летом живет великий князь Константин. Оттуда еще чуть правее блещут золотые купола Сергиевского монастыря.

Поворачиваем взор, и там справа — красивый город, в котором тоже блещут позолоченные купола. Это Царское село, или Саари, царская летняя резиденция. Дальше виден Павловск, а за Павловском видна финская церковь и справа тоже церковь финского прихода в Славянке, по-фински Венийоки. И на западе блещут купола — это Гатчина, тоже царская летняя резиденция. Там за Гатчиной, за лесом виднеется колокольня финского прихода Колпаны, рядом с которой в деревне с тем же названием, говорят, есть семинария, то есть такое училище, где готовят учителей для школ при финских церковных общинах. От Колпановской церкви направо видна каменная церковь в Скворицах. Вот такой обширный и красивый пейзаж открывается отсюда с дудергофской колокольни»¹⁴.

Наш обзор панорамы Санкт-Петербурга продолжают два скандинавских писателя: Георг Брандес и Кнут Гамсун, побывавшие в Северной Пальмире.

Георг Брандес (1887): «Когда попадаешь с вокзала в сам город, то все время ожидаешь увидеть Неву, ибо Петербург и эта река составляют одно целое. Но нет! Тут — всего лишь канал, там — река Фонтанка, которая впадает в Неву. Наконец вашим взорам предстает эта мощная река, широкая, как морской залив, скованная льдами и покрытая снегом; она течет между высокими набережными и островами, на одном из которых высятся в небо золотые шпили Петропавловской крепости. Затем вам является мир желтых и красных дворцов; все русские правительственные здания также выкрашены в эти странные цвета, напоминающие то ли о тюрьме, то ли о человеческой коже»¹⁵.

Кнут Гамсун (1899): «Ровно двести лет назад Петр I построил этот город на девятнадцати болотистых островах. Рукава Невы причудливо пронизывают весь город, деля его на части, в нем все дивно перемешалось: роскошные европейские доходные дома соседствуют с византийскими куполообразными зданиями и очаровательными особнячками. Солидные музеи и картинные галереи занимают положенное им место, а всевозможные ларьки, лабазы и самые невообразимые лачуги отвоевывают себе место под солнцем, где им заблагорассудится. Были разговоры о том, чтобы перенести город на другое, более сухое место, но с таким же успехом можно говорить о том, чтобы перенести на другое место всю Россию. Есть в Санкт-Петербурге здания незыбле-

¹³ Там же. С. 64.

¹⁴ Цит. по: Хямяляйнен-Форслунд Пирье. Роман Елизаветы. История семьи Клодтов—Ярнефельтов. СПб., 2002. С. 210—211.

¹⁵ Брандес Георг. Русские впечатления. М., 2002. С. 40.

мые — это Зимний дворец, Эрмитаж, храм Воскресения, Исаакиевский собор. Зато остальной Санкт-Петербург постоянно растет и движется, как и вся остальная Россия, растет и движется...»¹⁶

Наш обзор завершает испанский морской офицер, писатель и журналист Мануэль де Мендивиль, посетивший Санкт-Петербург в 1901 году: «Петербург виднелся вдаль; можно было различить, пока еще неясно, его дома и дворцы, храмы и казармы, раскидистые деревья в парках; над ним возвышались острые шпили высоких башен, и сверкающее золото византийских куполов напоминало Константинополь, который уже много веков сладко спит, отражаясь в Босфоре, под кобальтовым небом, в тени минаретов мечетей»¹⁷.

Казанский собор

Из содержания архивных документов следует, что уже вскоре после основания Санкт-Петербурга на Петербургской стороне стояла небольшая часовня с иконой Божией Матери Казанской, привезенной в 1710 году по приказанию Петра I из Москвы. Казанская икона Божией Матери известна с XVI века. В 1579 году в Казани девятилетняя Матрона Онучина увидела во сне Богородицу, которая открыла ей, что под развалинами сгоревшего дома находится чудотворный образ. И действительно — нашли икону Богородицы, будто только что написанную. Во время Смуты, когда Москву заняли поляки, образ передали Дмитрию Пожарскому, и 22 октября 1612 года захватчики были выбиты из Кремля. Этот день стал днем чествования иконы. Перед Полтавской битвой перед образом «Казанской» Богоматери молился Петр I.

В 1737 году в начале Невского проспекта была выстроена церковь Рождества Богородицы, которую обыкновенно называли по имени перенесенной в нее иконы Казанским собором¹⁸. «Строительство кафедрального собора Казанской Божией Матери на Невской перспективе, ныне каменного, закончилось лишь в 1737 г.»¹⁹, — пишет Генрих фон Реймерс.

С этого времени в Казанском храме совершались не только будничные службы, но и архиерейские богослужения, а также бракосочетания лиц царствовавшей династии. Так, например, в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 10 июля 1739 года сообщалось о том, что ранее, 3 июля, в Казанском соборе было совершено «законнобрачное сочещение Ея Высочества благоверных государыни принцессы Анны (Леопольдовны. — *Авт.*) с его светлостью принцем Антоном Ульрихом, герцогом Брауншвейг-Люнебургским, со учрежденною по церемониалу церемониею»²⁰. Далее в сообщении говорилось о том, что «в церкви Пресвятыя Богородицы Казанския на перспективе (Невском проспекте. — *Авт.*) церемонию брака отправлял Его Преосвященство епископ Вологодский»²¹. Это торжество сопровождалось проповедью, которую произнес преосвященный Амвросий (Юшкевич), епископ Вологодский (впоследствии архиепископ Новгородский); текст проповеди тогда же был напечатан с латинским переводом В. К. Третьяковского.

¹⁶ Гамсун Кнут. В сказочном царстве. Путевые заметки. Статьи. Письма. М., 1993. С. 11.

¹⁷ Мендивиль Мануэль де. Санкт-Петербург // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 148.

¹⁸ Авсеенко В. 200 лет С.-Петербурга. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 199.

¹⁹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Росток, 2007. С. 156.

²⁰ О предике (проповеди. — *Авт.*) Вологодского епископа Амвросия (Юшкевича) на бракосочетании принцессы Анны Леопольдовны с герцогом Антоном Ульрихом 3 июля 1739 года // Русский архив, 1871. С. 193.

²¹ Там же.

С Казанским собором связано одно из драматических событий русской истории второй половины XVIII века — приход к власти Екатерины II в 1762 году в результате дворцового переворота. Об этом сообщал барон А.-Ф. фонASSEбург, датский посланник в Петербурге с 1765-го по 1768 год. Дипломат прибыл в российскую столицу уже после свершившихся событий, но он довольно подробно передал суть дела со слов Н. И. Панина, с которым он ранее познакомился в Стокгольме, где оба они занимали дипломатические посты.

Итак, согласно сообщения фонASSEбурга, «Ее Величество (Екатерина. — *Авт.*) приехала в столицу (из Петергофа. — *Авт.*) около шести часов... приняла от гвардии присягу в верности и в 8 часов утра прибыла к Казанскому собору в сопровождении всех четырех полков... Панин в приготовленной на улице карете привез Великого Князя (Павла Петровича. — *Авт.*) в собор, а оттуда Ее Величество проследовала в новый дворец. Там состоялся первый манифест. Затем императрица велела Синоду и Сенату собраться в деревянном дворце и сама туда отправилась с Великим Князем; в церкви этого дворца Сенат, Синод и все вельможи, бывшие налицо, присягнули ей»²².

А вот свидетельство другого очевидца переворота 1762 года, маркиза П. де Альмодовара, полномочного испанского посланника, жившего в Петербурге в 1761—1763 годах. Его перу принадлежит уникальный документ, озаглавленный «Описание вступления на престол Екатерины II, составленное П. де Альмодоваром». Маркиз де Альмодовар повествует о том, что Екатерина подняла Измайловский гвардейский полк, «также она собрала Синод, духовенство и других важных особ, а в Казанском соборе, который является главным, все было готово к принятию Ее Величеством присяги», — пишет испанский автор, добавляя, что «этот собор находится на той же улице, на которой я живу»²³. Далее маркиз описывает военные перемещения по Петербургу, и снова Казанский собор оказывается в центре событий, поскольку гвардия устремилась именно к этому храму. «На подступах к Казанскому собору и дворцу к ним также присоединилась толпа простолюдинов, вооруженных топорами»²⁴, — сообщает испанский дипломат.

Хотя дальнейшее повествование Альмодовара совпадает с сообщением фонASSEбурга, некоторые детали его рассказа все же представляют несомненный интерес. Итак, участники переворота стягиваются к Казанскому собору. «В карете ехал Великий Князь в сопровождении своего воспитателя графа Панина и камергера Теплова, которые спешно подвезли его к Казанскому собору, где... дожидалась императрица, его мать, — пишет посланник. — По окончании церемонии приведения к присяге Ее Величество и Его Высочество отъехали от собора в простой карете, запряженной двумя белыми лошадьми»²⁵. Участники событий проследовали в новый Зимний (каменный) дворец, где «во дворцовой церкви отслужили молебен, и императрица с Великим Князем в богатой парадной карете проследовали в старый Зимний дворец и много раз в течение дня появлялись перед публикой»²⁶.

Нередко в Казанском соборе праздновались различные события: заключение мира, победы над неприятелем и тому подобное. «Официальные праздники, как дни рождения членов императорской фамилии, дни событий, праздники орденов, почитаются как религиозные»²⁷, — отмечал один из рыцарей Мальтийского ордена, посетивший

²² Записка о воцарении Екатерины II // Русский архив, 1879. Т. 1. С. 369.

²³ Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917 годы. М., 1991. Т. 1. С. 182.

²⁴ Там же. С. 183.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Записка баварца о России времен императора Павла (Перевод с французской рукописи). Публикация Евгения Шумигорского // Русская старина, 1899. Т. 99. С. 557.

Петербург в период правления Павла I. Впрочем, традиция эта уже вполне сложилась намного ранее, во времена Екатерины.

31 июля 1770 года барон Христиан Генрих фон Гайлинг присутствовал на торжественном богослужении в Казанском соборе по случаю победы генерала П. А. Румянцева над татарским ханом²⁸, которая случилась 21 июля (1 августа) 1770 года.

«Императрица и Великий князь прибыли с этой целью из Петергофа в город и появились в соборе вместе со всем Двором. Все иностранцы также были здесь, — пишет фон Гайтлинг. — Все церковное духовенство вышло им навстречу во главе с архимандритом с крестом, святой водой и кадильницей. При встрече Императрица обняла архимандрита, затем села на трон, справа от нее встали Великий князь и свитские, по левую сторону — гофмейстер и граф Орлов в своем качестве генерал-адъютанта, за ними — придворные дамы и кавалеры. Напротив Ее Величества заняли свои места дипломаты. После того, как все места были заняты, архимандрит с 6 другими епископами возгласил торжественный гимн под гром орудий. Следует заметить, что при праздничной обедне все должны становиться на колени, в том числе и иностранные посланники. После церемонии архимандрит предлагает Императрице поцеловать крест, это же делает Великий князь, после чего Императрица обнимает архимандрита, также поступает Великий князь. Затем Императрица кланяется перед святой иконой, целует ее и подходит к иностранным посланникам, которым она протягивает руку для поцелуя, после чего они выражают ей наилучшие пожелания. Затем она покидает храм для того, чтобы возвратиться во дворец или в один из ее загородных замков»²⁹.

А после завершения Русско-турецкой войны 1768—1774 годов императрица обратилась к Санкт-Петербургскому архиепископу со следующими словами: «Преосвященный Владыко Гавриил! Я намерена завтрашний день, то есть в воскресенье, принести благодарственные Всевышнему молитвы за дарованный мир в церкви Казанской Богородицы. Екатерина. 1774. 2 августа. С.-Петербург»³⁰.

Во время следующей Русско-турецкой войны (1787—1791) управляющий владениями князя Потемкина полковник Михаил Гарновский в своем сообщении от 13 августа 1789 года писал: «Шестого числа сего месяца получено известие о разбитии турок под Фокшанами... 9 числа поутру Двор переселился сюда, и того же дня было в Казанской церкви за помянутую победу благодарственное молебствие в присутствии Государыни и Их Императорских Высочеств, нарочно для сего приехавших из Гатчины, куда они к вечеру опять возвратиться изволили»³¹.

В ризнице Казанского собора хранились серебряные с позолотой венцы, под которыми в 1773 году венчался будущий император Павел I с принцессой Гессен-Дармштадтской, при святом миропомазании нареченной великой княгиней Наталией Алексеевной. Венчание, как и присоединение к православию невесты, совершал преосвященный Гавриил³². По случаю заключения династического брака в соборе была произнесена другим архиереем, Иннокентием (Нечаевым), прочувственная проповедь, позже опубликованная³³.

²⁸ В сражении при Кагуле 21 июля (1 августа) 1770 года армия П. А. Румянцева разбила превосходящие соединенные силы турок и татар-крымчаков.

²⁹ Записки барона Христиана Генриха фон Гайлинга о поездке в Россию в 1770—1771 гг. // Новая и новейшая история, 2000, № 5. С. 124.

³⁰ Высочайший рескрипт архиепископу Гавриилу о совершении молебствия по случаю заключения мира с Портою // Цит. по: Макарий, архим. Сказание о жизни и трудах преосвященного Гавриила, митрополита Новгородского и С.-Петербургского. СПб., 1857. С. 129.

³¹ Русская старина, 1876. Т. 16, № 5—8. С. 411.

³² Макарий, архимандрит. Сказание... С. 44.

³³ Слово в торжественный день бракосочетания Их Императорских Высочеств благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича и благоверных Государыни Великой Княгини На-

К концу XVIII века население Петербурга значительно возросло, и храм, прежде без труда вмещавший приход, стал тесен. Это заметил аббат Жоржель в своих записках, писавший: «Собор Казанской Богоматери, где находится икона Святой Девы, которую считают чудотворной, построен на берегу Екатерининского канала и выходит на самую красивую улицу С.-Петербурга. В этой церкви торжественно собирается императорский двор при праздновании блестящих побед; она не велика и недостаточно поместительна; она представляет прямоугольник; над алтарем возвышается купол; на другом конце храма находится башня с колокольней, где устроены часы. Эта церковь построена посредине обширного, покрытого травой двора и окружена стеной фута в три вышиной, над которой возвышается деревянная окрашенная решетка»³⁴.

Аббат Жоржель был выходцем из Франции; покинув родину после революции 1789 года, он нашел прибежище в германском приорстве Мальтийского ордена (св. Иоанна Иерусалимского). Присутствуя за православным богослужением, он невольно сравнивал его с католическим: «Алтарь Казанского собора окружен вызолоченной балюстрадой и занавесами с золотой, серебряной и шелковой бахромой. За этой балюстрадой помещается алтарь, а позади занавеса находится жертвенник, престол со Святыми Дарами и священники. Занавес открывается в момент пресуществления, и перед присутствующими появляются Святые Дары: только в этот момент можно видеть совершающего таинство священника. В эту минуту все присутствующие падают ниц и поднимаются только после причастия»³⁵.

Записки аббата Жоржеля представляют особую ценность и потому, что он был одним из последних иностранных авторов, посетивших Казанский собор до его перестройки в начале XIX века. Вот еще несколько строк, посвященных описанию храмового интерьера: «Казанский собор очень богато украшен: государи щедро одаряли его драгоценностями, — сообщает о. Жоржель. — В торжественные дни я видел там более тысячи горящих свечей, кроме множества зажженных лампад из золота или серебра, которые пылают перед алтарем»³⁶.

Еще одно сообщение о Казанской церкви до ее перестройки можно найти в «Описании Санкт-Петербурга» И.-Г. Георги. Он упоминает про «церковь Казанския Богоматери на Невской перспективе и по правому берегу Екатерининского канала... Колокольня над церковью деревянная и с покрытым жстью шпием имеет вышины 28 сажень, — пишет немецкий автор. — На колокольне бьют часы в колокол по стенным часам, в церкви находящимся. В сей церкви отправляются летом благодарственные молебствия за благополучные приключения при дворе и в государстве»³⁷.

В ноябре 1800 года император Павел I повелел воздвигнуть вместо церкви Рождества Богородицы великолепный соборный храм во имя Казанской иконы Божией Матери. Составление проекта было поручено архитектору А. Н. Воронихину. Проект напоминал здание парижского Дома инвалидов с подражанием фасаду собора святого апостола Петра в Риме (в уменьшенном масштабе). О конкретных деталях строительства сообщает граф А. И. Рибопьер. По его словам, «Павел I начал стройку Казанского собора; план составил русский архитектор Воронихин; он же строил его под руководством обер-камергера графа А. С. Строганова. Павел и тут спешил, понукая рабочих; однако ему не пришлось достроить собор: он был окончен при Александре Павловиче»³⁸.

талии Алексеевны, проповеданное синодальным членом Иннокентием, архиепископом Псковским и Рижским, в Санкт-Петербургской Казанской церкви 1773 года сентября 29 дня. СПб., 1773.

³⁴ Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913. С. 127–128.

³⁵ Там же. С. 129–130.

³⁶ Там же. С. 130.

³⁷ Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 99.

³⁸ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив, 1877. Т. 1. С. 483.

«Строительство новой кафедральной церкви Казанской Божией Матери начато при Павле I, — пишет фон Реймерс. — Согласно воле императора, оно должно было завершиться в три, самое большее — четыре года. Стоимость строительства должна была составлять по одним данным 7, по другим — 10 миллионов рублей; однако, до того как были получены последние распоряжения монарха по поводу скорейшего начала строительства церкви, он умер; Александр I, который назначил для строительства больший срок и тем самым сэкономил несколько миллионов, заложил камень в основание этого храма»³⁹.

Граф Александр Сергеевич Строганов (1733—1811) — государственный и общественный деятель; сенатор, президент Академии художеств, директор Императорской публичной библиотеки. По словам сардинского посланника графа Жозефа де Местра, «хорошо знавшая графа Екатерина принимала его в самом интимном своем кружке, но, прекрасно понимая разницу между человеком приятным и даже пользующимся всеобщей любовью и государственным мужем, никогда не допускала его к делам. В середине прошлого (XVIII) века он долго жил в Париже и сделался там известной персоной; ему приходилось много бывать в обществе философов, о коих он рассказывал весьма занимательные истории. <...> Он был великим покровителем искусств и всех посвятивших себя оным юношей, но с русским фанатизмом и национальным талантом, по крайней мере, фанатизмом внешним, ибо, полагаю, в душе он хорошо понимал суть дела. Страстью его и предметом всех его мыслей был собор Казанской Божией Матери, сооружаемый здесь с огромными расходами вот уже десять лет на месте жалкой хибары, выстроенной Петром I, которой стыдилась бы любая мало-мальски зажиточная пьемонтская деревня.

Нынешний император есть Соломон сего храма, а Давидом⁴⁰ был Павел I. Когда его спросили, что он предпочитает и какие будут приказания, царь, как мне рассказывали, ответил: „Я хочу немного от Св. Петра и немного от Санта-Мария-Маджоре в Риме“⁴¹. Трудно вообразить себе более изысканный вкус. Ему представили не знаю уж сколько планов, и он даже подписал один, который мне довелось видеть; но здесь замешалась интрига: граф Строганов выступил с одним молодым архитектором по имени Воронихин, состоявшим при его особе и почитаемым всеми за его сына.

Граф каким-то образом устранил все иностранные проекты, и Воронихину поручили сей труд под руководством покровителя его, хотя он не выстроил еще ни единого дома. Какой человек у нас, даже будучи не в своем уме, осмелился бы начать с храма? Опять-таки здесь сие никого не удивляет: русский берется за все и ничем не стесняется. Поелику план был утвержден и уже началось его исполнение, Александр из уважения к памяти отца своего не пожелал слушать никаких возражений, и постройка была доведена до конца. Сам граф Строганов привносил в дело неслыханное *impregno*⁴², он называл сие сооружение *моя церковь*, что, кстати сказать, вполне справедливо. Как-то он удостоился чести принимать у себя императора за обедом и в порыве воодушевления сказал: „Наконец, государь, нам не нужны чужеземные таланты; у нас есть все свое“ <...> Сама церковь представляет собой набор погрешностей противу канонов архитектуры и, кроме сего, слишком уж мала для такой столицы, как Санкт-Петербург;

³⁹ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Росток, 2007. С. 341.

⁴⁰ Давид (кон. XI в. — ок. 950 до н. э.) — израильско-иудейский царь. Подготовил построение Иерусалимского храма царем Соломоном. Автор вдохновенных песен-псалмов, послуживших основой Псалтыри.

⁴¹ Санта Мария Маджоре (Святой Марии Великой) — храм в Риме (IV в.).

⁴² Усердие (итал.).

тем не менее поражает она красотой материалов, не имеющих себе равных, и некоторыми частями, свидетельствующими о таланте русских»⁴³.

Закладка храма состоялась 27 августа 1801 года, о чем подробно пишет Генрих фон Реймерс.

Незадолго до отъезда императора для коронации в Москву он 27 августа 1801 г. с обычными церемониями [Александр I] заложил на Невской перспективе камень в основание нового собора Казанской Божией Матери. Кроме императора, императрицы, вдовствующей императрицы, великого князя Константина Павловича и великих княжон Марии Павловны и Екатерины Павловны (оба младших великих князя и младшие великие княжны готовились к поездке в Москву) на этом торжестве присутствовали наследный принц Баденский с супругой и двумя дочерьми — принцессами Амалией и Марией, и наследный принц Мекленбург-Шверинский с супругой Еленой Павловной. Выше уже было сказано, что строительство этой церкви было задумано еще Павлом I и что тогда оно было рассчитано на три года. Теперь этот срок был увеличен до семи лет, отчего возникла значительная экономия в сумме, назначенной на строительство, теперь она составляла 2 843 434 рубля 97,5 копейки. Проект и план этого поистине великолепного здания (сочетание пантеона и колоннады по образцу собора св. Петра в Риме) созданы надворным советником Воронихиным, воспитанником здешней Академии художеств, которому поручено и исполнение постройки под руководством президента Академии графа Строганова. Основание собора состоит из шпунтовых свай — мощных балок, вбитых вплотную друг к другу и врезанных одна в другую. Эта трудоемкая работа потребовала больше всего времени. На сваях с предельной точностью поставлены могучие своды; вообще все это сделано лучше и точнее, чем здесь принято при казенном строительстве. Гранитный цоколь церкви и колоннады уже заложен, колонны уже доведены до значительной высоты, так как строительство церкви должно быть завершено в ближайшие 4—5 лет⁴⁴.

Далее немецкий автор позволяет себе представить Казанский собор во всем его великолепии по завершении строительства: «Поскольку всякому читателю краткое описание этого, хотя и незаконченного, сооружения, несомненно, будет интересным, я по чьей своей обязанности дать об этом более подробные сведения»⁴⁵.

Церковь после сноса нескольких частных домов позади нее будет стоять на довольно обширном открытом пространстве, ограниченном тремя улицами и Екатерининским каналом. Главным фасадом церковь направлена на Невский проспект. Далеко выступающая пространная колоннада в форме полукруга 40 сажений в поперечнике ведет с улицы ко входу в храм. Колонны коринфского ордера имеют высоту 6 сажений и 2 аршина в диаметре. Обе оконечности колоннады образуют со стороны Невской перспективы два больших портала, под которыми проходят две улицы, Большая Мещанская и другая, идущая вдоль Екатерининского канала, и перед которыми внутри полукруга на высоких пьедесталах стоят две колоссальные статуи.

В центре колоннады — главный вход в церковь, обозначенный выступающим перистилем, покоящимся на 6 колоннах. Между колонн в нишах стоят 4 статуи, которые, как и церковные двери, богато украшенные барельефами (копии знаменитых дверей баптистерия во Флоренции), отлиты из бронзы. Кроме главного входа, с другой стороны есть еще два, украшенных подобно главному. Вся внешняя облицов-

⁴³ Местр Жозеф де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 182—183. Королю Виктору Эммануилу I. 31 октября (12 ноября) 1811 г.

⁴⁴ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Росток, 2007. С. 390—391.

⁴⁵ Там же. С. 391.

ка церкви и колоннады сделана из пудостского песчаника, из него же изготовлены и капители колонн, и карнизы, и барельефы аттика, покоящиеся на колоннаде. Однако базы колонн ради прочности сделаны из гнейса.

Перед собором, примерно посредине полукруга, там, где находится старая Казанская церковь, будет стоять обелиск из финского гранита в 15 саженьей высотой. Само здание, как и большинство русских церквей, имеет форму креста, продольная сторона стен его составляет 33 сажени, короткие стены — по 26, ширина — 12 саженьей. Высота здания вместе с куполом составляет 30 саженьей. Внутреннее убранство церкви полностью соответствует внешнему. Купол, восьми саженьей в поперечнике, через крытую галерею опирается на 4 массивные колонны, украшенные пилястрами, от которых сдвоенные ряды колонн ведут к трем входам и к главному алтарю. Эти колонны в интерьере церкви сделаны из прекрасного финского гранита, который, по оценке всех знатоков, мало уступает, а то и вовсе не уступает египетскому по плотности и приятному сочетанию цветов. Каждая колонна состоит из цельного куска высотой в 5 саженьей и полтора аршина в поперечнике. Капители и базы колонн, украшения трех алтарей и запрестольные образа изготовлены из золоченой бронзы, а статуи, барельефы и картины, и т. д. — все это сделано местными мастерами.

Насколько можно судить по модели, описанию и нынешнему первоначальному состоянию строения, эта церковь со всем, что к ней относится, станет и вправду большим и выдержанным в благородном стиле сооружением, где талант строителя проявлен тем в большей мере, что место — не из лучших. Панорама со всех сторон ограничена частными постройками, да еще подступающий прямо к цоколю колоннады Екатерининский канал производит неприятное впечатление. Насколько бы выиграла величественная колоннада, если бы она стояла в конце ведущей к ней длинной и достаточно широкой улицы, на открытой площади, и в надлежащем отдалении являла бы взору свои громадные массы!⁴⁶

Спустя 10 лет строительство Казанского собора было закончено, и 15 сентября 1811 года последовало его торжественное освящение, которое возглавил митрополит Санкт-Петербургский Амвросий. Иностранцев, живших в Петербурге, изумляли русские рабочие, строившие Казанский собор. «Им, этим простым мужикам в рваных полушубках, не нужно было прибегать к различным измерительным инструментам; пытливо взглянув на указанный им план или модель, они точно и изящно их копировали. Глазомер этих людей чрезвычайно точен, — сообщал один из зарубежных гостей. — С окончанием постройки собора торопились; несмотря на зимнее время и 13—15 градусов мороза, работы продолжались даже ночью. Крепко зажав кольцо фонаря зубами, эти изумительные работники, забравшись на верх лесов, старательно исполняли свое дело. Способность даже простых русских в технике изящных искусств поразительна»⁴⁷.

Граф Александр Сергеевич Строганов скончался в 1811 году — в год окончания строительства Казанского собора. Там и происходило его отпевание, о чем повествует граф Жозеф де Местр.

Похороны графа Строганова стоили 50.000 рублей; тело его лежало шесть дней на катафалке со свечами, который воздвигнут был в его большой столовой зале, где столько рассказывал он мне о своих безумных приключениях; я почти всякий день

⁴⁶ Там же. С. 391—392.

⁴⁷ Северцев Г. Т. (Полилов). С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник, 1903, май. Т. 92. С. 632. Статья написана по заметкам иностранцев, живших в Петербурге в начале XIX столетия. Первые из них написаны немцем Х. Мюллером из Лейпцига, напечатавшим свои письма в Майнце в 1815 году. Вторым автором является А. Галеаццо, издавший свои воспоминания в Падуде в 1816 году.

являлся туда к вечерней или утренней службе, ибо обязан сим знаком внимания за все то, что встречал в этом доме. Здесь принято в день похорон приходить к дому умершего и провожать его на кладбище; обычно едут за гробом в экипаже, однако ежели хотят оказать наивысшие почести, то идут пешком с обнаженной головой; впрочем, сей долг касается лишь родственников и близких друзей. Траурную процессию возглавляют дети и прочие члены семьи.

От Строгановского дворца до Невского монастыря, где хоронят знатных особ, расстояние в три или четыре версты; таковой променад по большой Невской перспективе занимает полтора часа. Хотя погода была довольно скверная, пешком шли более пятидесяти человек: в числе оных оказался и я.

<...> Противу обыкновения отпевание было не в Невском монастыре, а в **Казанском соборе**. Граф просил о сем у императора (который здесь есть папа) и получил согласие; новый собор стоит прямо на пути к монастырю, и процессии не надобно было отклоняться в сторону. Во время заупокойной службы умерший лежит на возвышении в лучшем своем одеянии. Над гробом на четырех колоннах поставлен был великолепный балдахин малинового бархата, расшитый золотом, поскольку греческая Церковь не употребляет при похоронах мрачных цветов, и я охотно присоединился бы к таковому обычаю. По окончании службы все родственники, начиная с самых близких, а потом и друзья поднимаются к катафалку и целуют руку или грудь умершего: это называется прощание, и церемония сия до крайности трогательна. После сего гроб закрывают, и все кончено. Я тоже вместе с малым числом особ *процался* с бедным графом.

Император и царствующая императрица приезжали отдать последний долг, но не вместе; император прибыл, когда шествие уже собиралось тронуться от дворца; императрица же за два или три дня до того. В их участии не было ничего необыкновенного, но, если не ошибаюсь, семейство надеялось, что император проводит гроб до Казанского собора, однако ожидания их не оправдались. По сему поводу можно иметь разные мнения; я думаю, что император не пожелал оказать сей чести чело- веку, который был только большим вельможей⁴⁸.

Вскоре после завершения строительства Казанского собора его посетила Жермена де Сталь. Французская писательница, ранее побывавшая в Риме, могла сравнить храм Святого апостола Петра с Казанским собором: «Я отправилась в Казанский собор, построенный Павлом I по образцу собора святого Петра в Риме, — сообщает Жермена де Сталь. — Внутренность церкви, украшенная большим количеством колонн из гранита, очень красива; само здание напоминает <собор> святого Петра и отличается от него тем больше, чем больше хотели сделать его похожим»⁴⁹. Причину неудачи в осуществлении замысла де Сталь видела в том, что «за два года не сделать того, на что понадобился целый век первым художникам мира. Русские хотели быстротой преодолеть время и пространство, но время сохраняет только то, что оно создало, а искусство, первым источником которого является вдохновение, не может обойтись без мышления»⁵⁰.

Однако схожесть обоих храмов весьма велика, в частности, благодаря тому, что Казанский собор снаружи был отделан пудожским камнем, имеющим большое сходство по цвету и структуре с камнем travertino, из которого построена церковь Святого апостола Петра в Риме⁵¹. Итальянский колорит усиливается при входе в Казанский собор:

⁴⁸ Местр Жозеф де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 185—186.

⁴⁹ Русские глазами знаменитой француженки (Русские главы из книги Анны Луизы Жермены де Сталь «Десятилетнее изгнание») // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы. Тверь, 1993. С. 140.

⁵⁰ Там же. С. 140—141. См. также: Воспоминания госпожи Сталь о России // Новости литературы, 1822, № 11. С. 164—165.

⁵¹ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 38.

его средние входные двери изготовлены из бронзы В. Екимовым по образцу восточных дверей флорентийского баптистерия (автор Л. Гиберти, 1425—1452)⁵².

Под сводами Казанского собора похоронен фельдмаршал М. И. Кутузов — главнокомандующий русской армией, разгромившей наполеоновские войска. Не случайно было избрано место его погребения, ибо, как справедливо пишет Жермена де Сталь, «перед отъездом в действующую армию генерал Кутузов поехал помолиться в Казанский собор, и весь народ, который следовал за ним, кричал ему, чтобы он спас Россию. Какая минута для смертного! Его возраст не позволял ему надеяться пережить трудности кампании, но есть моменты, когда человек должен умереть, чтобы дать успокоение душе»⁵³.

Примечательна судьба высокохудожественного серебряного иконостаса, под местными иконами которого некогда значилось: «Усердное приношение Войска Донского». На это сооружение, выполненное при императоре Николае I, пошло около 100 пудов серебра, часть которого пожертвовали донские казаки, отбившие при отступлении Наполеона в 1812 году серебряную утварь, награбленную завоевателями в московских церквях. Отнюдь не случайно серебро было передано именно в Казанский собор. Вот что писал тогда М. И. Кутузов настоятелю собора по этому поводу: «Разорители святых храмов пали под бременем своего нечестия. Ничто, похищенное у Божества, не осталось в их власти, и победители со смирением кладут на алтарь Бога святыню... Серебро, 40 пудов, доставляемое мною, есть дар неустрашимых донских казаков вашему храму»⁵⁴. (Спустя сто лет, вскоре после Октябрьской революции, иконостас снова был ограблен — на этот раз серебро отправилось за границу беспрепятственно...)

Интересные сведения о событиях, связанных с разгромом наполеоновских войск, оставил граф Жозеф де Местр. Иезуит де Местр, пребывавший в Петербурге с 1803-го по 1817 год, имел обыкновение в своих письмах сообщать о наиболее важных событиях в российской столице. В письме от 17 (29) июля 1814 года Жозеф де Местр сообщает: «В понедельник 13/25 в семь часов утра после продолжительного и достопамятного отсутствия прибыл сюда Его Императорское Величество. Сие явилось для всех полной неожиданностью, ибо приехал он без свиты и без шума, остановился у Казанского собора, чтобы помолиться, после чего направился к себе во дворец. <...> На другой день по приезде Его Императорское Величество повелел отслужить в Казанском соборе отменно красивый благодарственный молебен. Присутствовали Император, Ее Величество Императрица-мать⁵⁵, Великий Князь Константин и Великая Княжна Анна. Император ничуть не изменился, лишь немного загорел, но сей воинственный цвет лица весьма идет ему»⁵⁶.

В письме от 27 июля (8 августа) 1815 года Жозеф де Местр рассказывает о символическом эпизоде, свидетелем которого ему довелось быть. «23 июля (4 августа), — пишет он, — мы все были собраны в Казанском соборе на благодарственном молебствии, по случаю благополучного Его Величества (Александра I. — *Авт.*) прибытия в Париж. Во время богослужения послышался легкий шум, и мы увидели входящего, в дорожном костюме, графа С., генерал-адъютанта императора; вслед за тем все стали со всех сторон сообщать друг другу: „Он схвачен, он схвачен, он схвачен!“ Обер-гофмаршал граф Толстой приблизился к императрице и доложил ей что-то, отчего ее лицо

⁵² Там же. С. 39. См. также: История зарубежного искусства. М., 1971. С. 160—161, иллюстрация 118.

⁵³ Русские глазами знаменитой француженки... С. 158.

⁵⁴ Цит. по: Степанова И. Храм без креста // Русская мысль, 22 мая 1992 года.

⁵⁵ Императрица-мать — Мария Федоровна (1759—1828), урожденная принцесса София Доротея Августа Луиза, дочь принца Фридриха Евгения, впоследствии герцога Вюртембергского. Вторая жена императора Павла I (с 1776).

⁵⁶ Местр Жозеф де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 256. Графу*** 17 (29) июля 1814 г.

засияло радостью; она подозвала французского посланника и сообщила ему о захвате Наполеона у острова Ре. Никогда подобное известие не могло прийти так кстати»⁵⁷.

Испанский морской офицер Хуан ван Гален провел в России два года (1818–1820). В Санкт-Петербурге ему довелось побывать в Казанском соборе на пасхальном богослужении. Его биограф повествует о впечатлениях ван Галена от увиденного.

В эту ночь ван Гален был среди собравшихся в соборе Казанской Божьей Матери, который является уменьшенной копией знаменитой базилики Святого Петра в Риме. Хотя и с трудом, он смог пробраться (благодаря умению работать локтями, которому он обучился в Лондоне) в середину главного нефа за несколько минут до орудийного выстрела. Вся церковь была освещена, гроб Спасителя находился напротив ковчега со Святыми Дарами, а священники в своих литургических одеяниях завершали процессию, которая предшествует Воскрешению, в точности как у католиков.

Чуть только громогласные песнопения и звон колоколов, смешивающиеся с пушечной стрельбой, возвестили конец службы, как тут же все присутствовавшие на ней, равно как мужчины, так и женщины, после взаимных поздравлений, к немалому удивлению ван Галена, уселись на полу, образовав множество групп и компаний, и с отменным аппетитом принялись поглощать холодные мясные закуски и пироги. Выйдя из храма, все гуляют до рассвета по иллюминированным улицам столицы, собираются вместе со знакомыми и по старинному обычаю дарят друг другу крашеные яйца, повторяя: «Воистину воскрес», и праздник продолжается до следующей ночи. В хорошем обществе дамам дарят фарфоровые или хрустальные яйца, украшенные лентами, дамы же, принимая подарок, протягивают руку для поцелуя и, поскольку того требует пасхальный обычай, бесстрастно прикасаются губами к щеке дарителя⁵⁸.

Не менее интересные сведения можно почерпнуть из записок графини С. Шуазель-Гуффье. По происхождению полячка (в девичестве — Тизенгаузен), она вышла замуж за камергера русского двора — графа Антония Людовика Шуазель-Гуффье, сына известного французского дипломата и путешественника, который, будучи французским послом в Константинополе, в начале революции 1789 года эмигрировал в Россию. Принятый на русскую службу, он был назначен директором Императорской Публичной библиотеки⁵⁹. В 1824 году графиня Шуазель-Гуффье приехала в Петербург и здесь посетила главные храмы российской столицы. Судя по воспоминаниям графини, Казанский собор произвел на нее особенно сильное впечатление. «Я посетила чудную церковь Казанской Божией Матери, которой справедливо восхищаются, — с внешней стороны — величественной и благородной архитектурой, а с внутренней стороны — массой заключающихся в этой церкви золотых и серебряных предметов, ослепляющих глаза; сияющий вид храма напоминает некогда существовавший в Лиме храм Солнца»⁶⁰, — писала она.

Как и де Местр, графиня Шуазель-Гуффье была современницей исторического события, весть о котором она получила именно в Казанском соборе. Известие о смерти императора Александра I, скончавшегося в Таганроге, пришло в Петербург в то время, когда в соборе служили молебен о его здравии. «Молебен еще не кончился, как Великий Князь Николай получил последнее печальное известие, — пишет графиня, присутствовавшая в храме за богослужением. — Он вошел в церковь, и всех поразила

⁵⁷ Письма графа Жозефа де Местра из Петербурга в Сардинию // Русский архив, 1912, № 2. С. 175–176.

⁵⁸ Гален Хуан ван. Два года в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 82.

⁵⁹ Воспоминания об императоре Александре I и императоре Николае I графини Шуазель-Гуффье. СПб., 1879. С. 1.

⁶⁰ Шуазель-Гуффье. С. Исторические мемуары об императоре Александре и о его Дворе. М., 1912. С. 230.

быстрая перемена в его лице, расстроенном печалью. Он не хотел и не мог нанести сердцу матери столь страшный удар и помнил, что одна религия способна смягчить его. Все заметили, что митрополит пошел навстречу императрице, неся в дрожащих руках Распятие, покрытое черным флером... По его медленной и торжественной поступи, по тому вечному знамению страдания, которое было в его руках, несчастная мать догадалась, что выпало на ее долю, и, подобно Матери Господа нашего, бессильно упала перед Распятием. Какая тяжелая сцена, какая картина для великого художника! Внутренность удивительного Казанского собора, блиставшая золотом и огнем; служитель Церкви в богатом облачении, всем существом своим выражавший неотразимую и тихую скорбь, таинственный свет храма, смешавшийся со светом свечей; еще курившийся ладан перед алтарем; эта смена радостной молитвы скорбью, — какой сюжет для нового Рафаэля! Сколько материала для великого произведения искусства!»⁶¹

Повествование продолжает леди Дисброо, жена английского посланника в Петербурге. Как известно, тело покойного Александра I было доставлено из Таганрога в город на Неве. «Прошлую субботу мы были на церемонии перевезения тела покойного императора в Казанский собор», — сообщала леди Дисброо в письме от 8 (20) марта 1826 года. (Похороны императора были назначены на 2 (14) марта.) «Мы, дамы дипломатического корпуса, — продолжает Дисброо, — получили особое приглашение быть в девять часов в церкви и оставаться до окончания церемонии. Мы собрались в церковь рано и пробыли там от половины 11-го до трех». В записках англичанки имеются отрывочные сообщения о церемонии погребения; разумеется, она обращала внимание более на внешнюю сторону происходившего. «Печальная колесница была золотая, с высоким катафалком... Вдовствующая императрица вошла первая. За гробом следовали Государь с Государыней, герцог Веллингтон и чины, несшие регалии... Церковь при полном освещении была красивее, чем можно было предполагать»⁶².

Летом 1826 года в Россию прибыло французское посольство для участия в торжествах по случаю коронации Николая I. В составе посольства находился литератор Франсуа Ансело. Будучи в Санкт-Петербурге, он посетил ряд храмов российской столицы, в том числе и Казанский собор. В его записках то и дело проскальзывает негативная оценка увиденного, что вполне объяснимо. Ведь Ансело был католиком, и на языке того времени он называет православных христиан «схизматиками» (то есть раскольниками). Тем не менее его впечатления о Казанском соборе представляют большой интерес.

«На одной только улице (Невском проспекте) я насчитал десять храмов, посвященных разным конфессиям, — пишет французский литератор. — Прежде всего обращает на себя внимание Казанская церковь: пятьдесят шесть гранитных колонн высотой в тридцать пять футов, отполированных до хрустального блеска, выстроены полукругом, окружая с двух сторон главные врата⁶³, а другие колонны того же размера украшают храм внутри. Вообще греческие церкви, менее просторные, но более освещенные, чем римские, имеют менее величественный вид и внушают верующим менее меланхолические, более отрадные чувства. В них нет скульптур, ибо греческие схизматики прочли одно место Священного Писания как запрет на ваяние из камня или металла, однако изобилие образов, писанных на слоновой кости и покрытых золотыми и се-

⁶¹ Там же. С. 271. См. также ее «Воспоминания...». СПб., 1879. С. 229—230.

⁶² Дисброо Э. Петербургская жизнь в 1825—1827 годах // Русская старина, 1904. Т. 117, январь—март. С. 202—203.

⁶³ Ошибка Ансело. Ср. у Свиньина: «...сколько вещей достойных удивления, сколько предметов единственных, совершенных! Особо сии 56 колонн, украшающих внутренность собора: каждая из них высечена из целого гранита и имеет пять сажень вышины и полтора аршина в диаметре и блестит как зеркало» (Свиньин. С. 19).

ребрынами окладами, пышность царских врат, великолепие священнических облачений — все ослепляет взор.

Гармония песнопений, мелодичное согласие голосов, исполняющих торжественную службу без всякого музыкального сопровождения, рождает в душе самые нежные чувства и уносят ее в край надежды и блаженства. Между верующими в греческом храме царит полное равенство: никаких рангов, никаких кресел! Все стоят пред лицом Божиим: здесь обнаруживается терпимость, главная отличительная черта этой религии. Иностранец, присутствуя на церемониях чужой ему религии, может не опускаться на колени, но оставаться стоять, и не привлечет внимания, не вызовет осуждения. От него не требуется никаких знаков благоговения, никакого участия в религиозном ритуале»⁶⁴.

Особую неприязнь у французского литератора вызвали трофеи, захваченные русскими войсками в ходе Отечественной войны 1812 года, и в частности маршальский жезл Даву.

Луи Никола Даву (1770—1823) — маршал Франции (1804), герцог Ауэрштедтский (1808), герцог Экмюльский (1809). Во время Ста дней (1815) был военным министром Наполеона. При отступлении из Москвы командовал арьергардом наполеоновской армии. В сражении под Красным 5 ноября 1812 года его части потерпели поражение, результаты которого так описывал адъютант П. М. Волконского Н. Д. Дурново: «Последствием этого дня было взятие тридцати пушек, пяти штандартов, свыше тысячи пленных. Почти три тысячи остались на поле битвы. Остаток корпуса Даву вместе с ним самим спасся бегством. Его маршальский жезл попал в наши руки»⁶⁵.

«В Казанской церкви я нашел памятники наших недавних катастроф, и это собрание трофеев невольно напомнило мне, что из всех человеческих слабостей русской нации наиболее свойственно тщеславие, — продолжает Ансело. — Рассказывая иностранцу о памятниках своей страны, русский никогда не скажет: „Это прекрасно“, но обязательно „Это прекраснее всего на свете!“. Посмотрим же, какие трофеи столь помпезно выставлены в этом храме! Во-первых, жезл маршала Даву. Но разве этот символ бранной чести был добыт победой? Нет! Он оставался в обозе, брошенном по приказу самого маршала, и русские просто подобрали его. Неужели стоит гордиться забытым трофеем? Рядом с жезлом — ключи от нескольких французских городов, которые никогда не имели ворот и коих никто не осаждал. Покажите нам, если можете, ключи от укрепленных городов, охранявшихся французскими гарнизонами, и мы поклонимся вашему мужеству, хоть и будем оплакивать трофеи. Но не хвалитесь тем, что вошли в открытые города!»⁶⁶

А теперь посмотрим, что по этому поводу пишет князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) в своем ответе г-ну литератору: «Ансело, прощаясь с Петербургом, посещает Казанский собор и, видя трофеи, разложенные в этом храме, заключает, что тщеславие (*la vanité*) из всех слабостей человеческих более других свойственно русскому народу; и что русский, говоря иностранцу о памятниках отечества своего, не скажет никогда: это прекрасно (*ceci est une belle chose*)! но всегда: *ничего нет этого прекраснее в мире* (*c'est la plus belle chose du monde*)! Можно ли так легко выводить из поговорки, маловажной по себе самой, заключение против целой нации и выдавать ей грамоту на тщеславие и суетность по таким ничтожным доказательствам?»

Правда, автор приводит далее важнейшую укоризну. «Жезл маршала Даву, говорит он, был сокрыт в одном из фургонов его, оставленных по приказанию маршала. Должно ли величаться трофеем, которым обязаны забвению? Но нельзя ли также рассмотреть

⁶⁴ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 100—101.

⁶⁵ 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 103.

⁶⁶ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 101.

это иначе? Два народа воюют один против другого; фельдмаршальский жезл, принадлежащий войскам одного из них, падает из руки врагов, каким бы образом ни было; не естественно ли выставить его как трофей? Хотят ли примеров? История воинских походов изобилует ими. Наполеон, находясь в Берлине и уже в благоприятнейших сношениях с королем прусским, вывез шпагу и орденскую ленту Фридриха Великого, чтобы выставить эти трофеи в Доме инвалидов. Неужели фельдмаршал Кутузов должен был отослать жезл фельдмаршалу Даву с извинением, что осмелился захватить его? Что касается до городов, от коих Россия оставила у себя ключи, то нет сомнения, что города эти были осаждены, несмотря на слова г-на Ансело: Данциг, Гамбург защищались французскими гарнизонами и, конечно, были с воротами. Гарнизон защищался даже с героическим бесстрашием, и я был тому свидетелем»⁶⁷.

Еще одно краткое сообщение о Казанском соборе. 8 августа 1828 года храм посетил немецкий дипломат Леопольд фон Герлах. На следующий день в его дневнике появилась запись: «Вчера поутру в Казанской церкви я первый раз в моей жизни присутствовал при русской проповеди. Священник стоял за аналоем и говорил с весьма спокойными жестами»⁶⁸.

В 1829 году в Санкт-Петербурге, проездом на Кавказ, останавливался Джеймс Эдвард Александер. В своих записках о храмах российской столицы он большое место уделил Казанскому собору. «Казанский собор — великолепный ансамбль на Невском проспекте, — пишет английский офицер. — С обеих сторон храма, увенчанного куполом, полукругом идет колоннада, интерьер собора отличается богатством и роскошью: алтарь украшен иконами, оправленными в серебряные и золоченые оклады. Своды поддерживаются массивными мраморными колоннами, на которых висят захваченные у врагов знамена и ключи от крепостей. В русских церквях нет ни лавок, ни органа; однако церковные хоры столь хороши, что орган и не требуется»⁶⁹.

Английский автор не преминул упомянуть и об одном прискорбном случае, имевшем место под сводами Казанского храма. «Икона Богоматери в Казанском соборе была украшена бриллиантовыми серьгами; мужик, подошедший поцеловать образ, сорвал одну из драгоценностей. После этого икону заключили в стеклянный ящик, а для целования оставили лишь ноги Богородицы. Недавно один московский церковный сторож украл икону в окладе из серебра и золота, — продолжает Джеймс Эдвард. — Он снял драгоценный оклад, а саму икону бросил в реку, однако угрызения совести заставили его признаться в содеянном; сторож понес заслуженное наказание»⁷⁰.

Джеймс Александер не ограничился описанием Казанского собора; вместе со своими спутниками он присутствовал за богослужением в этом храме. Вот его впечатления об увиденном. «Мы посетили службу в Казанском соборе, — рассказывает английский «богомалец». — Он был заполнен людьми всех сословий — от князя до крестьянина, и все, как равные, стояли перед алтарем. Как обычно, женщин было больше, нежели мужчин. Церковное пение просто изумительно (у русских чудесные голоса, и они очень любят петь). Во время службы верующие покупали маленькие восковые свечи и отдавали их служителям, стоящим в толпе, те зажигали их и ставили перед иконами. Прихожане отбивали поклоны и крестились, повсюду слышалось: „Господи, помилуй“. За одной из колонн извозчик, упав на колени, бился лбом об пол, истово крестясь, возможно, он замаливал какой-либо большой грех или молился о выздоровлении больного родственника. Священник, облаченный в расшитые золотом и серебром парчо-

⁶⁷ Вяземский П. А. Six mois suffisent-ils pour connaître un pays? // Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 220.

⁶⁸ Заметки фон Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина, 1892. Т. 74. С. 77.

⁶⁹ Александер Джеймс. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 48.

⁷⁰ Там же. С. 62.

вые одежды, с волосами, ниспадающими на плечи, глубоким и звучным голосом читал молитвы перед алтарем, а все молящиеся одновременно крестились и кланялись. Другой священник, в высоком черном клобуке и рясе, взошел на небольшую кафедру рядом с колонной. Не сверяясь с записями, он медленно и четко читал проповедь, прихожане слушали его с огромным вниманием. Общий вид храма производит сильное впечатление богатыми украшениями икон, хоругвями, свисающими над головами толпы. Картину дополняет живописное разнообразие летних платьев»⁷¹.

Как известно, особенностью архитектурного плана Казанского собора является то, что его передний фасад не расположен, как обычно, напротив алтаря. Он обращен к Невскому проспекту, то есть на север, поскольку не должен нарушать линию уличной застройки. Устройство алтаря против переднего фасада, на юг, явилось бы нарушением церковных канонов, согласно которым алтарь должен быть всегда обращен на восток. Это обстоятельство отметил в своих записях маркиз Астольф де Кюстин в 1839 году. «Казанский собор, выстроенный Александром, обширен и красив: но для того, чтобы соблюсти религиозный закон, по которому греческий алтарь должен быть непременно развернут на восток, вход в него сделан с угла. Поскольку улица, именуемая Проспектом, имеет не то направление, какое требуется по этому правилу, церковь поставили наискось»⁷².

Значительное место в своих записках уделила Казанскому собору леди Джорджана Блумфильд. Приступая к описанию храма, она сначала сообщает об его архитектурном плане. В своем дневнике под 5 февраля 1846 года леди Блумфильд пишет: «Мы посетили Казанский собор, заложенный императором Александром в 1801 году. Он построен в виде креста; внутренность его великолепна и разделена двойным рядом коринфских гранитных колонн с бронзовыми золочеными капителями и базами»⁷³. В те годы Казанский собор в сознании современников уже прочно был связан со славой русского оружия. Леди Блумфильд по этому поводу отмечает: «Ключи от различных крепостей, взятых русскими, сохраняются здесь; а также тут находится большая коллекция штандартов и знамен, между которыми я заметила украшенные французскими императорскими орлами»⁷⁴.

Будучи инославной, леди Блумфильд, естественно, не разбиралась в тонкостях православного богослужения, отчего бесхитростные ее заметки порой отдают наивностью. Но тем не менее это ценное свидетельство современницы той эпохи, память о которой сегодня приходится восстанавливать по крупицам. Вот что увидела в Казанском соборе жена английского посланника: «Вечерня началась, пока мы были в соборе, причем присутствовало около 50 или 60 человек различных классов, которые приблизились к алтарю и попеременно становились на колени, крестились и дотрагивались лбами до земли, тогда как причетники читали службу монотонным голосом. Они были одеты в простые черные рясы; но затем вышел другой священник, облаченный в великолепную ризу золотой материи и с серебряным кадилом в руках; он обошел собор, кадя перед образами различных святых. Затем зажгли множество свечей, большие двери за (?) алтарем раскрылись, и показался большой образ Успения Богородицы. Во все время священники не переставали петь; но затем священник в блестящей ризе произнес что-то, на что остальные, казалось, отвечали. Через несколько минут двери опять заперли, после чего служба продолжалась, как и прежде. Музыки не было, но у священников были славные голоса»⁷⁵.

⁷¹ Там же. С. 63.

⁷² Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 352.

⁷³ Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив, 1899, № 6. С. 228

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 228–229.

Вот еще несколько любопытных замечаний англичанки о Казанском соборе. «Государь всегда ездит в Казанский собор перед отъездом из Петербурга и по возвращении из путешествия, — пишет леди Блумфильд. — Он ездит туда без всякого почета и церемоний и, став на колена перед алтарем, молится. По-видимому, нет особенных правил и обрядов при слушании богослужения, ибо все присутствующие стоят или опускаются на колени по желанию; но никому не разрешается сидеть в православной церкви. Там было множество небольших алтарей (?) перед различными образами, а высоко над большими дверьми было большое изображение Тайной Вечери»⁷⁶.

Испанский писатель Хуан Валера побывал под сводами Казанского собора вместе со своими спутниками в 1856 году. Он сравнивает этот храм с *Аточей* — так называется церковь в Мадриде, где хранится скульптурное изображение Девы Марии, особо почитаемое в Испании. «Мы посмотрели Казанскую церковь; это Аточа здешних мест. В ней собраны знамена, отвоеванные у врагов, и ключи крепостей и городов, отошедших к России, — пишет Хуан Валера. — Эта церковь построена в стиле собора Святого Петра в Риме, хотя и не такая огромная. Византийская живопись, которой покрыты стены, украшена золотом, серебром, изумрудами, алмазами и рубинами. Темная голова Спасителя среди изобилия драгоценных камней притягивает взгляд. Серебро, массивное золото и бесчисленное количество драгоценных камней, бросающихся в глаза, покрывают или, скорее, образуют иконостас; все это явилось подарком донских казаков во времена императрицы Екатерины II (Александра I. — *Авт.*)»⁷⁷.

А вот каким увидел Казанский собор Теофиль Готье зимой 1858—1859 годов: «Казанский собор, перед которым я проехал, явно преобразился: его итальянский купол оделся в русскую снежную шапку, а карнизы и капители окрасились чистой белизной; на террасу полукруглой колоннады легли массивные серебряные перила, подобные тем, что украшают иконостас собора; на ступени, ведущие ко входу, лег тонкий, мягкий, великолепный горностаевый ковер, по которому ступать пристало лишь золотой туфельке царицы...»⁷⁸

К 1886 году относятся записки Одон де Буэна (1863—1945), также посетившего Казанский собор. «Замечателен Казанский собор; его величественный портал обрамлен двумя рядами колонн, расположенных по ту и другую сторону от главного входа, который помещается в глубине красивого портика, украшенного большими статуями, — пишет испанский ученый-естествоиспытатель и эссеист. — Интерьер соответствует внешнему виду храма: пятьдесят шесть высоких колонн, сделанных из блоков финского гранита, поддерживают свод; вереница знамен украшает нефы, напоминая о войнах, которые вела Империя, весь ансамбль завершает богатейший главный алтарь, составленный из яшмы, бронзы, серебра и прекрасных полотен. Среди военных трофеев много польских флагов: как плохо они смотрятся среди стольких достойных напоминаний о других войнах! Россия, однако же, ими гордится»⁷⁹.

Упоминание о трофейных польских флагах звучит довольно странно в устах *испанского* путешественника. Известно, что в наполеоновских войсках, вторгшихся в Россию, поляков насчитывалось до четверти «личного состава». А за несколько лет до этого (1809) Наполеон напал на Испанию...

В заметках Мануэля де Мендивилия, посвященных Казанскому собору (1901), «политика» отсутствует; морской офицер, писатель и журналист смотрит на творение Во-

⁷⁶ Там же. С. 229.

⁷⁷ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 54—55.

⁷⁸ Готье Теофиль. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 59.

⁷⁹ Буэн Одон де. Испанский путешественник в Петербурге XIX века (Из книги «От Христиании до Туггура» // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 141.

ронихина глазами искусствоведа. «Храмы Петербурга в большинстве своем византийские: Троицкий собор, Александро-Невский, Никольский, Пантелеймоновская и Екатерининская церкви, у них огромные окна, витиевато украшенные порталы и пузатые купола из позолоченной меди или же выкрашенные в синий цвет и расписанные звездами», — отмечает испанский автор, переходя далее к основной теме: «Казанский собор не византийского типа; колонны, образующие полукруг, принадлежат к коринфскому ордеру, барельефы на дверях копируют работу Микеланджело из Флорентийского собора; перед алтарем вы увидите балюстраду из литого серебра и свечи, что освещают величественный образ Казанской Божьей Матери, ее глаза как будто плачут, улыбка грустна, а одеяния покрыты сверху золотым окладом, усыпанным разноцветными камнями»⁸⁰.

...После 1917 года Русская православная церковь вступила в полосу испытаний. В феврале 1932 года Казанский собор закрыли для богослужений, его интерьер был переоборудован под Музей истории религии и атеизма. Эта надпись памятна многим жителям города: она была помещена перед входом в собор, высоко на фронтоне, там, где изображено всевидящее око Божие. Крест с купола сняли и заменили шпилем. Об этом упоминает Феликс Рос, побывавший в городе на Неве в первой половине 1930-х годов: «Казанский собор распахнул навстречу центральной улице города свои руки — полуокружность из колонн, а само здание обращено к Невскому античным фасадом, с архитравом и фронтоном. Строительство началось при Александре Первом (в 1802—1811 годах), но не было тогда завершено: царь взялся за возведение Исаакиевского собора — это третий собор в городе. Теперь в соборе Казанской Божией Матери располагается Музей истории религии»⁸¹.

С тех пор этот музей стал важным звеном в системе массовой атеистической пропаганды, приведшей страну к краю духовной пропасти. Экспозиция музея, отличавшаяся «классовым подходом», вызывала улыбки иностранцев. Они охотно посещали бывший храм, чтобы посмотреть на «развесистую клюкву», насаждавшуюся там «религиоведами». Чего стоило, например, посещение подземелья — «застенка инквизиции» с фигурами монахов, истязающих еретиков. О реально существовавших застенках в стране в те годы предпочитали умалчивать...

В 1980 году, когда ожидалось большое количество иностранных гостей из-за рубежа в связи с летней Олимпиадой, музей был «закрыт на ремонт», его экспозицию обновили, она стала менее тенденциозной. А в начале 1991 года, на шестом году перестройки, как-то незаметно исчезло последнее слово в названии этого заведения, в бумагах оно стало значиться как «Музей истории религии». Тогда же исчезла и надпись на фронтоне перед входом в храм, а в местной печати промелькнуло сообщение, что вскоре купол храма «получит свое прежнее архитектурное завершение».

Первым настоятелем возрожденной общины Казанского собора в 1990 году стал преподаватель Ленинградской духовной академии игумен Сергей (Кузьмин). Тогда же в Казанском соборе были совершены первые праздничные богослужения. (Правда, они носили случайный характер и вызвали активное неудовольствие музейной администрации.) С горечью писал тогда один из журналистов на страницах «Вечернего Ленинграда»: «Очевидно, для вящей славы Православия сохранена в соборе часть нынешней экспозиции, устроенной, как уверяет дирекция, в православно-познавательном духе. В нее ведены и „живые экспонаты“ — настоящий священник и молящиеся христиане»⁸².

⁸⁰ Мендивиль Мануэль де. Санкт-Петербург // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 153—154.

⁸¹ Рос Феликс. Южанин в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 194.

⁸² Антонов В. Суeta вокруг Казанского // Вечерний Петербург, 27 октября 1992 года.

И все же, как бы то ни было, с мая 1991-го в Казанском соборе стали регулярно совершаться богослужения по воскресным и праздничным дням, причем постепенно — без «специального согласования с музейной администрацией». А через несколько лет музей переехал в новое помещение поблизости от другого «музея-памятника» — Исаакиевского собора. Что касается Казанской иконы Божией Матери, то после революции и передачи Казанского собора под атеистический музей ее перенесли в Князь-Владимирский собор на Петроградской стороне. С началом Великой Отечественной войны ливанский митрополит Илия молился о России. По преданию, ему явилась Богоматерь, которая сказала: «Должны быть открыты во всей стране храмы... Пусть вынесут чудотворную икону Казанскую и обнесут ее крестным ходом вокруг города. Тогда ни один враг не ступит на святую его землю». Есть свидетельства, что крестный ход был совершен. В 1991 году «Казанская» икона вернулась в собор, к ней обращаются за помощью в бедах и болезнях.

И если сегодня трудно говорить о восстановлении серебряного иконостаса в его первозданной красе, то купол собора был увенчан крестом. Случилось это на Страстной неделе, в Великую субботу 30 апреля 1994 года, в канун празднования Пасхи Христовой. Так сбывается в наши дни пророчество святого апостола Павла: «Бог поругаем не бывает» (Галат. 6, 7).